

К 95-летию
со дня рождения
Джеральда Даррелла

Джеральд Даррелл – английский зоолог, натуралист, писатель, путешественник и, конечно же, очень хороший человек. Почему хороший? Да потому что люди, которые настолько любят животных, что посвящают им всю свою жизнь, не могут быть плохими.

12+

С творчеством этого изумительного писателя многие знакомятся в детстве и влюбляются раз и навсегда в его удивительные книги. Вызывает восхищение потрясающее чувство юмора этого человека, его трепетная любовь к животным, фантастическая работоспособность и феноменальное умение удивительно четко и гладко излагать свои мысли на бумаге.

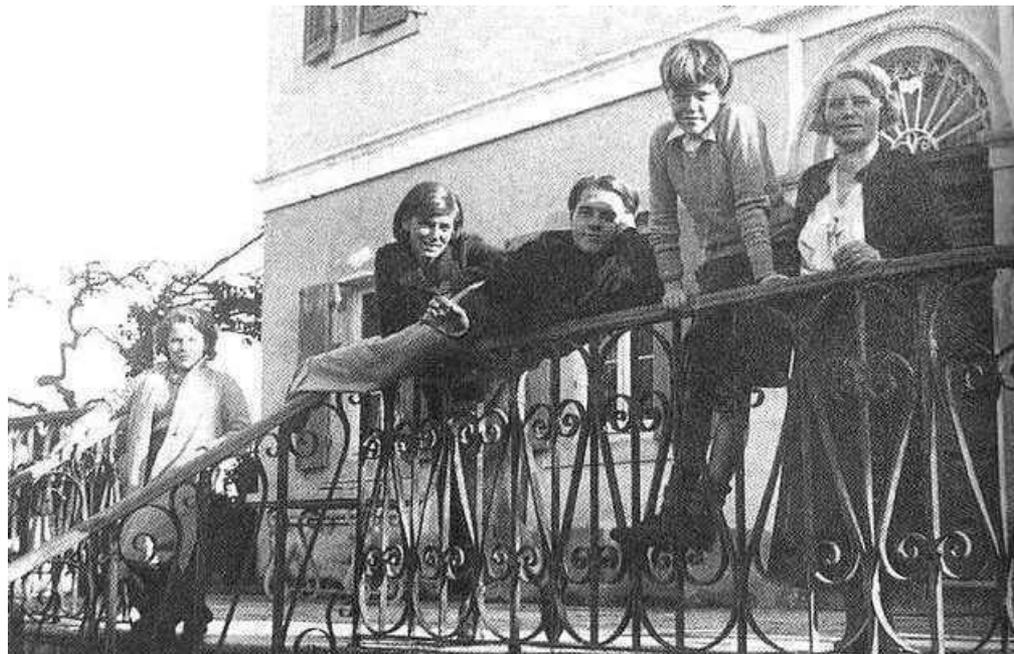

Книги Даррелла - это его автобиография. Он рассказывал от первого лица о самых разных животных, которых сам ловил, о которых заботился, за которыми ухаживал и которых привозил в британские зоопарки, тем самым помогая сберечь исчезающие популяции животных. Про каждую зверушку, птичку, козявку он мог рассказывать часами, и это безумно интересно.

В книге «Моя семья и другие звери» автор повествует о своем детстве, о том, что когда он был десятилетним мальчиком, его семья из холодной и дождливой Англии переехала на теплый, солнечный остров Корфу, и жила там несколько лет.

Его легендарная семья это: мамуля - дама средних лет, обладающая просто олимпийским спокойствием; старший брат Ларри - главный юморист и возмутитель душевного и физического равновесия всего семейства; средний брат Лесли, страстный любитель охоты, а также старшая сестра Марго, тоже с юмором и своими дамскими причудами.

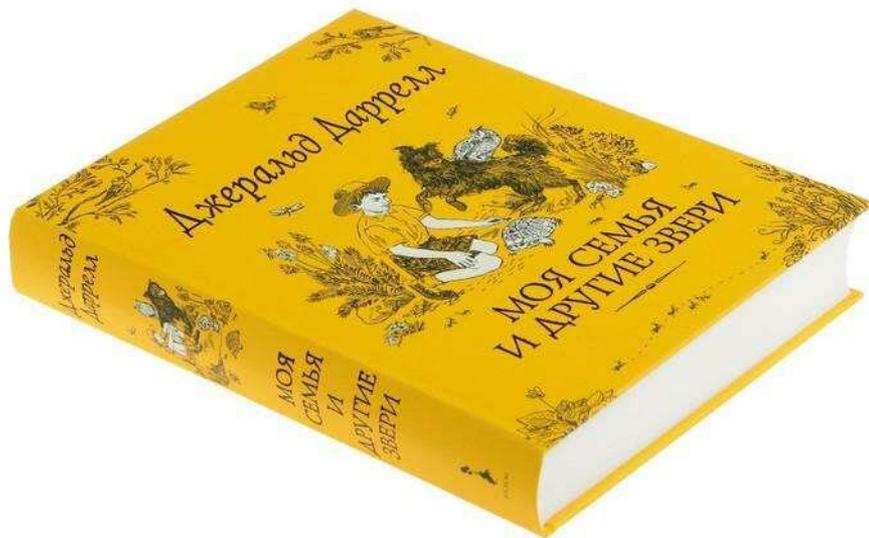
Джеральд был самый младшенький. С двух лет он заболел на всю жизнь "зооманией", а самое первое слово, которое он произнес, было "зоопарк". Поэтому естественно предположить, что где бы он не появился, вокруг него всегда будет куча самых разных животных: насекомых, птиц, рептилий и лягушек, а дом будет постоянно наводнен, помимо различных гостей, которых приглашал без конца Ларри, еще и всей этой разношерстной братией. Из-за этого происходит много забавных и веселых происшествий. В своей книге Джеральд Даррелл это очень смешно описывает.

Греческий Корфу много сделал для становления Джеральда Даррелла как будущего натуралиста, который никогда не пройдет мимо любого представителя животного мира. А знаете, что удивительное всего? Он никогда не учился в официальной школе. Его домашними учителями были самые различные люди, причем некоторые даже без педагогического образования. Но ведь выучился, и еще как! Конечно, самым любимым предметом была зоология, здесь ему равных не найти. А потом еще стал писателем-анималистом высшего класса.

На Корфу будущий автор шедевров знакомится с окружающим миром, узнает много интересного и важного. Для себя он уже давно решил, что его жизнь будет напрямую связана с животными.

Книга «Моя семья и другие животные» очень увлекательная и познавательная, читается она легко, просто на одном дыхании. Приготовьтесь к тому, что вас будут периодически сотрясать взрывы хохота.

«Море поигрывало гладкими голубыми мускулами в предрассветной дымке, а пенный след со сверкающими пузырьками за кормой казался стелющимся хвостом белого павлина. Бледное небо на востоке, у самого горизонта, отметилось желтым пятном. Впереди по курсу из тумана выступал шоколадный мазок суши с пенной оберткой. Это был Корфу, и мы напрягли зрение, пытаясь рассмотреть горы, пики, долины, овраги и пляжи, но все ограничилось общими очертаниями. Вдруг из-за горизонта вышло солнце, и небо заиграло голубой эмалью, как глаз сойки. На мгновение мириады четко очерченных морских завитков вспыхнули и превратились в королевский пурпур с зелеными блестками. Туман взлетел вверх легкими лентами, и нашим глазам открылся весь остров с горами, словно спящими под сморщенными коричневыми одеялами, а в складках прятались зеленые оливковые рощицы...»

«...Магия острова накрыла нас нежно и плотно, как цветочная пыльца. В каждом дне был такой покой, такое ощущение остановившегося времени, что хотелось одного — чтобы это длилось вечно...»

«На веранду я вернулся как раз вовремя, чтобы услышать, как Ларри изливается перед гостями. — Поверьте мне, дом этот очень опасный. Малейший закоулок или трещина набиты тут ужасным зверьем, готовым в любую минуту прыгнуть на вас. Не понимаю, как только я не сделался калекой на всю жизнь... Не принимается в расчет даже святость моей спальни. Сначала меня атаковала скорпиониха, мерзкая зверюга, которая рассеивала повсюду яд и своих младенцев. Потом мою комнату разнесли на куски сороки. Теперь вот у нас змеи в ванне, а вокруг дома носится огромная стая альбатросов, которые шумят, как испорченный водопровод. — Ларри, милый, ты все сильно преувеличиваешь, — сказала мама, рассеянно улыбаясь гостям...»

«Черепаша выпростала ноги, максимально вытянула шею, а голову положила на землю и закрыла глаза. Казалось, она каждой клеточкой впитывает в себя солнце. Пролежав так минут десять, она медленно, целеустремленно поднялась и пошаркала по дорожке к месту в тени кипариса, где росли одуванчики и клевер. Тут ноги под ней подломились, и она с характерным звуком шлепнулась на брюхо. Из-под панциря высунулась голова и подалась к густо-зеленой поросли клевера, рот широко открылся, и после короткой драматичной паузы челюсти сомкнулись вокруг сочного листа; она его оторвала и со счастливым выражением на мордочке начала разжевывать — ее первая еда после зимней спячки!..»

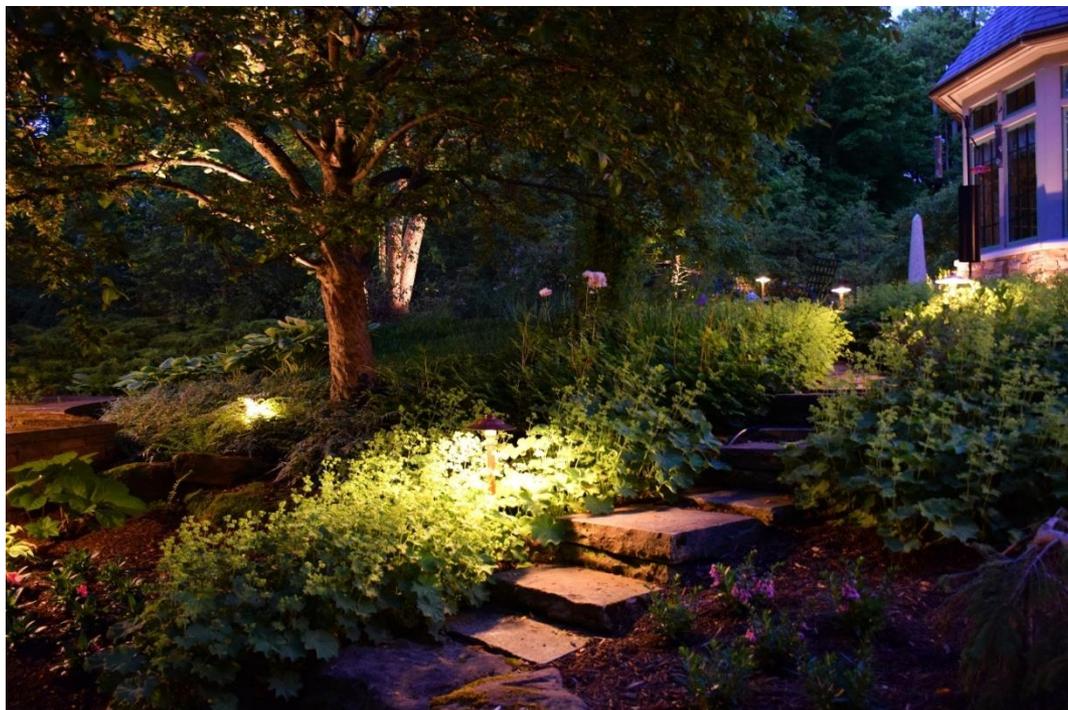

«АСТАРОЖНО — ГНЕЗДО УХОВЕРТКИ — ХАДИТЕ ПАТИШЕ». Забавно, что без ошибок я написал только два слова, имеющие отношение к биологии...»

«В марте пришла весна, и остров заблагоухал цветами и затрепетал молодой листвой. Кипарисы, качавшиеся и перешептывавшиеся под зимними ветрами, теперь стояли по стойке «смирно» на фоне неба, в накидке из тумана с зеленовато-белыми конусами. Желто-восковые крокусы высыпали веселыми стайками по всему берегу среди корней деревьев. Под миртами мышинный гиацинт выставил пурпурные бутоны, похожие на леденцовое монпансье, а темные дубовые чащи раскрасили тысячи дымчатых голубых ирисов. Хрупкие, ломкие на ветру анемоны воздевали соцветья оттенка слоновой кости, а лепестки, казалось, кто-то обмакнул в вино. Вика, ноготки, асфодели и множество других цветов заполнили леса и поля. Даже древние оливы, согнувшиеся и выпотрошенные за тысячу вёсен, украсились кучкующимися крошечными цветами сливочного цвета, скромными, но достаточно декоративными, что приличествовало солидному возрасту деревьев...»

«По ночам охотились лягушки, населявшие заросли ежевики, и гекконы, бледные до прозрачности, с выпученными зрачками, которые нашли себе приют повыше, в образовавшихся трещинах. А дичью им служили глупые, рассеянные долгоножки, летавшие и сновавшие среди листвы, и бабочки разной формы и размеров — в полоску, в клеточку, в крапинку, в пятнышках, мозаичные, порхавшие, как туманные облачка, над сыпучей штукатуркой, и жуки, пухлявые, одетые с иголки, как дородные бизнесмены, спешащие к назначенному часу по своим ночным делам...»

Даррелл, Джеральд.

Моя семья и другие звери ; Говорящий сверток / Д. Даррелл ; худ. Е. Узденикова, худ. Л. Кошкина. - Москва : ЭКСМО, 2003. - 558,[2] с.